КРОКОДИЛ

№ 30 (1788)
ГОД ИЗДАНИЯ 44-й
30 ОКТЯБРЯ 1965

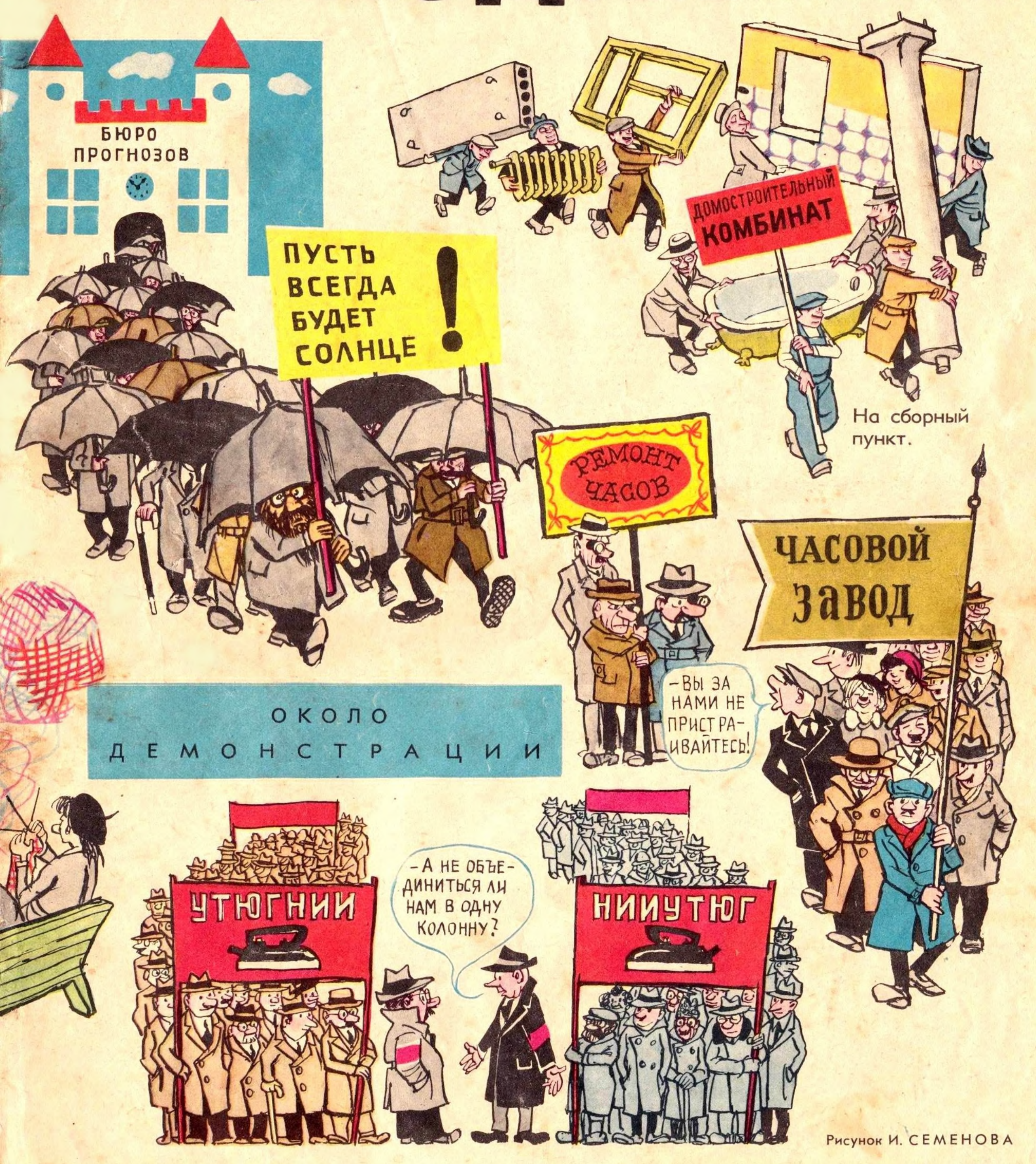
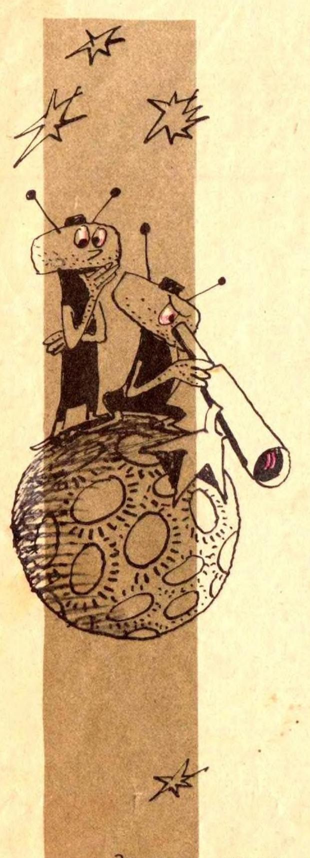

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ОСЕНЬ, 1965

— Заметьте, коллега, что ежегодно в этот день на Земле появляется огромное яркое пятно...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Может быть,
у Северного полюса
Народился этот снег опять
И — давай,
не подавая голоса,—
Наступать и снова наступать.

Он летит куда ему захочется,
Обнимает рощи и поля.
Атмосфера —
в честь его Высочества —
Ниже всем известного нуля.

Он,
как рой надежд,
витает около
Каждого влюбленного лица.
Он щекочет, вроде чудо-локона,
Даже заскорузлые сердца.

Он берет наш город в окружение
И, наметив собственный маршрут,
Нарушает правила движения,
Не страшась работников ОРУД.

Он гуляет парками да скверами,
По-хозяйски мудр и деловит,
И вещам, что выглядели серыми,
Придает сугубо свежий вид.

Он идет, как для веселья созданный,
И, касаясь каждого плеча,
Светится
рубиновыми звездами
И октябрьским жаром кумача.

Сергей СМИРНОВ

ГЛАВНЫЙ ПРАЗДНИК

Жизнь у нас событьями богата,
Праздников не счесть в календаре
Отмечаем радостные даты
Мы в июне, в марте, в сентябре.

Чествуем мы с вами всенародно
Тружеников фабрик и полей —
Горняков, путейцев, хлеборобов,
Сталеваров и учителей.

Как аванс в счет будущих уловов
(Так решили все наверняка)
Учрежден для наших рыболовов
Всесоюзный праздник рыбака.

Есть в апреле праздник всей
планеты —
День, когда она благодарит
Пионеров звездной эстафеты,
Штурманов космических орбит.

Есть особо памятные даты —
В майский вечер салютуем мы
Доблестному русскому солдату,
Спасшему планету от чумы.

Чтобы не забыли реваншисты
О советской мощи боевой,
Празднуем мы славный День
танкиста,
День ракетных и артиллерийских
войск.

Только знаем: празднеств этих
славных
Не было б в листках календаря,
Если бы не праздник самый
главный—
Праздник годовщины Октября!

Пусть и впредь звездою путеводной
Он над нашей Родиной горит,
Пусть и впредь всем людям
и народам
Праздники чудесные дарит!

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Я таких везучих знаю:
Родились они как раз —
Этот в праздник Первомая,
Тот в предновогодний час.

И, смущаясь ежегодно,
Отмечает мой сосед
В женский День международный
Появление на свет!

Трудно выбрать день рожденья...
И гордится тот не зря,
Чье совпало появленье
С днем рожденья Октября.

Голос пробуя и вторя
Всенародному «ура»,
Что гремит в знаменном море,
Голосит малыш: «У-а!».
И не веточка апреля,
Не июньский яркий мак —
У него над колыбелью
Расцветает красный флаг.

...Может, я забыл о т[illegible]е.
Может, было бы скромней
Промолчать об этом факте
В биографии моей.
Этот день мне всех дороже,
Откровенно говоря:
Я, друзья, родился тоже
В день Седьмого ноября.

В этот день вдвойне я счастлив.
Для меня — огни в окне.
И салют Советской власти —
Словно поздравленье мне!

Не скажу определенно,
Неизвестно точно мне,
Но, возможно, миллионы
Нас таких по всей стране.
Та же гордость
В сердце каждом:
Воедино сплетены
Биографии сограждан
С биографией страны.

...Закричал малыш в роддоме,
Перекрыв оркестров гром...
Здравствуй, мальчик незнакомый!
С днем рожденья! С Октябрем!

Михаил ВЛАДИМОВ

НАГЛЯДНЫЙ УРОК

Мой учитель Миша Козлов — шофер первого класса. Он ударник коммунистического труда, общественный автоинспектор и, наконец, просто веселый, обаятельный человек.

— Ну, как спина? — участливо спрашивает он меня.

Откровенно говоря, спина побаливает, но я не ропщу.

— Ничего, привыкнешь, — подбадривает Миша. — Поначалу всем тяжело, а потом потихоньку втягиваются.

Да, новичку нелегко работать в таком темпе. Каждые три секунды по роликам конвейера скатывается ящик с продуктами, и я, стажер пятой автобазы Главмосавтотранса, под внимательным взглядом Козлова укладываю эти ящики аккуратными штабелями.

Когда я уложу последний, стосемидесятый ящик, наш пятитонный «ЗИЛ» взревет мотором, и мы отправимся на третью базу Свердловского райпищеторга. Так велит путевка, выданная заводским отделом сбыта.

— Счастливчик ты, Володя, — говорит Козлов. — Не каждому везет работать на такой автобазе, как наша.

— База как база, — безразлично отвечаю я. — Ничего особенного.

Конечно, я только притворяюсь безразличным. Я знаю, чем эта база отличается от других. Это — одно из трех московских автохозяйств, где был впервые осуществлен тот экономический эксперимент, о котором говорилось на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС. Автокомбинат № 1 обслуживает стройки столицы, 9-я автобаза осуществляет крупные межобластные перевозки, а наша 5-я перевозит продовольственные товары. Вот я и напросился сюда стажером, чтобы, так сказать, изнутри, без посредников познакомиться с этим уже существующим завтрашним днем нашей промышленности.

Но я хочу услышать личное мнение Козлова. Проще всего было бы выяснить его с помощью традиционного вопроса: «Что вы думаете по поводу?..» Но сейчас эта корреспондентская прямота мне, стажеру, явно противопоказана. Поэтому я стараюсь «растормошить» своего шефа, упрямо повторяя:

— База как база. Нам, работягам, все равно, где вкалывать.

Кажется, я взял не ту ноту. По лицу Миши видно, что он недоволен моими высказываниями.

— Это на тебе, видать, усталость сказывается, — осуждающе говорит Козлов. — Давай рукавицы, сам погружу.

Откровенно признаюсь: грузит он лучше меня. Тяжеленные ящики, описав плавную кривую, точно ложатся на предназначенное место. Через пятнадцать минут все закончено. Мы отъезжаем к заводским воротам, перед которыми наш груз дважды осмотрят и пересчитают.

— База как база, — бурчит Миша, продолжая начатый разговор. Наш «ЗИЛ» пристраивается в хвост очереди, которая стоит перед контрольным пунктом. — А ты поинтересуйся, много ли есть автохозяйств, где зарплата рабочего за несколько месяцев поднялась почти на треть? Вон видишь впереди грузовик? Это Сашин, приятеля моего. Так вот, знаешь, сколько Саша за прошлый месяц заработал?

— Сколько?

— Рублей сто семьдесят, а то и больше. Да ты сам его спроси. Саша!

Подходит Саша, улыбчивый здоровяк в серой, видавшей виды кепке.

— Сто восемьдесят два, — довольно поправляет он Козлова. — А за что — сам не пойму. Раньше ведь как было? Сорок — аванс, сорок — в получку, ну и десятка премии. А тут — сто восемьдесят два! Я как получил — сразу к бухгалтеру. «Пересчитайте, — говорю, — ошибка произошла. Знаю, — говорю, — ваши штучки, сначала передадите, а потом высчитывать будете». А он стук-стук на косточках и говорит: «Все правильно, товарищ водитель, успокойтесь и не морочьте голову занятым людям». Вот какое кино!

Мы еще посудачили о бухгалтерских ошибках, о пользе материальных стимулов, а также о том, почему шоферы автобазы при новых условиях лично заинтересованы в экономии каждой минуты рабочего времени.

Потом мы вышли из кабины и со смаком покурили в специально отведенном для курения месте. При этом мы говорили о погоде, о стро-

гостях автоинспекции и о любви. Потом почитали вслух трогательную газетную статью, как одна бабушка разыскала своего внука, который сначала числился совсем чужим внуком, однако при более тщательном рассмотрении оказался все же ее собственным внуком.

Потом мы помолчали, а когда молчать стало совсем уж невмоготу, снова поговорили об экономии рабочего времени. Разговор был очень оживленный, потому что нас было уже человек двадцать — с двадцати гружених машин, неподвижно стоявших у контрольного пункта завода.

Почему неподвижно? Потому, что контролерша ушла. Она узнала из достоверных источников, что в заводскую столовую привезли свежий виноград. А контролерша, как на грех, была к нему неравнодушна.

Она закрыла конторку, положила в карман свое орудие производства — пропускной штемпель — и ушла в столовую, где купила виноград по всем правилам живой очереди. И двадцать могучих «ЗИЛов» и «ГАЗов» более получаса ждали, пока она получит свою порцию витаминов.

— О учитель! — подобострастно обратился я к Мише, когда мы вырулили на улицу. — Объясни незрелому стажеру, что произошло. Разве вы сегодня уже не работаете по-новому? Разве не вы внедрили мудрую систему хозрасчета, четкий механизм расценок, строгий график перевозок? Почему же все это экономическое великолепие пасует перед несвоевременным желанием одной женщины полакомиться виноградом?

— А что поделаешь! — горько вздохнул Козлов. — Мы, конечно, штрафуем завод за простои. Но штрафы установлены маленькие, а завод богатый.

Когда говорят о неоспоримом успехе экономического эксперимента, проведенного на пятой автобазе, то обычно приводят два показателя: средняя зарплата водителей возросла на 25 процентов, а производительность труда еще больше — на 30 процентов. Цифры, конечно, вдохновляющие, окрыляющие, впечатляющие. Но при этом следует со всей определенностью заявить, что вдохновлений, окрылений и впечатлений было бы неизмеримо больше, если бы заказчики проявляли к автотранспортникам хоть чуточку межведомственного джентльменства.

Хотя мы приехали на базу Свердловского райпищеторга в половине десятого, тамошние рабочие, противу всех предписаний Моссовета, были уже пьяны. Они курили, галдели, выражались и сморкались. Они смотрели на штабеля нашего груза не без нежности, однако принимали его с хватающей за душу медлительностью. Здесь мы потеряли двадцать лишних минут.

Обратным рейсом мы должны были отвезти на завод пустую тару. И пришлось ждать еще четверть часа, пока заведующий тарным складом Сумбуров уговорил одного из грузчиков поехать с нами.

У этого склада, расположенного в Последнем переулке, разыгрались драматические события.

— Что делаешь? — визгливо кричал грузчику Сумбуров. — Почему берешь не те ящики? Справа бери, справа!

Грузчик, вихрастый рыжий парень, улыбался безмятежной вытрезвительной улыбкой, но ящики брал слева.

— Ай, что делаешь?! — всплескивал руками Сумбуров. — Ай, кому говорю?!

Но рыжий был неумолим. Он приносил ящики слева, и только слева.

Наконец я не выдержал. Я подошел к грузчику и попробовал его пристыдить. Я объяснил, и, по-моему, очень толково, что такое хозрасчет и почему плохая работа грузчика отражается на зарплате ни в чем не повинного Козлова. И даже не только Козлова, но и всех его товарищей по базе.

И только закончив свою речь, я безошибочно понял, что говорил напрасно. Парень смотрел на меня тем внимательным, изучающим взором, после которого обычно восклицают: «Да я ведь знаю тебя! Ты Вася, тетки Марьи племяш!» Но ничего такого он не воскликнул. Он просто поцеловал меня в шею, потом подумал и поцеловал Сумбурова, а потом снова принялся носить не те ящики.

Словом, погрузка порожней тары обошлась нам еще в сорок дополнительных минут. А всего за день на трех продовольственных базах и на заводе мы потеряли впустую более трех часов — ровно столько, сколько уходит на два рейса с грузом.

И все же благотворные результаты новой системы работы видны на каждом шагу.

Когда Миша Козлов вовсю грузит ящики, а не отсиживается в кабине, — это новая система.

Когда ремонтники автобазы держат в полной готовности практически все машины, — это новая система.

Когда бухгалтеры, техники, инженеры непосредственно заинтересованы в увеличении прибылей и повышении средней зарплаты шофера, потому что от нее зависит и их собственная зарплата, — это новая система.

Когда количество трудовых нарушений на базе за месяц сокращается в четыре раза, а лодыри добровольно подают заявления об уходе, — это тоже новая система.

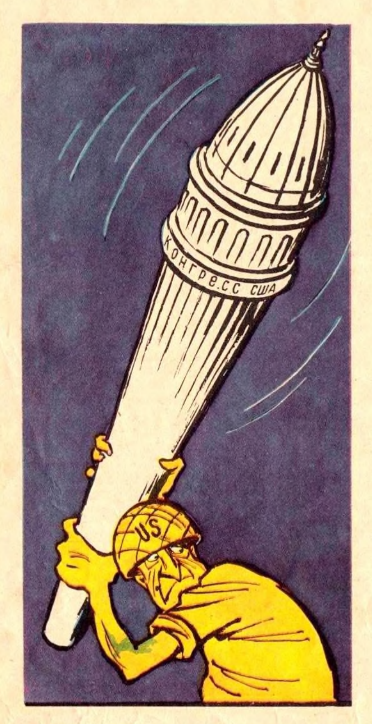
— Учти, Володя, — говорил мне Козлов по дороге в Кунцево, — сейчас мало быть просто шофером, нужно еще уметь считать расходы и доходы. Тебе, завтрашнему водителю, следует об этом никогда не забывать.

К сожалению, я вряд ли стану завтра водителем. Но урок честной рабочей коммерции, преподанный ударником коммунистического труда Михаилом Григорьевичем Козловым, я не забуду...

В. НАДЕИН,
специальный корреспондент Крокодила

г. Москва.

Палата представителей конгресса США приняла резолюцию, фактически узаконивающую «политику большой дубинки».

ПЕНТАГОНОВЕЦ: — Теперь конгресс в надежных руках!

Рисунок М. АБРАМОВА

Свой дом

Азиз НЕСИН

С детства познал он, что такое жилье, снимаемое внаем. И, став взрослым, решил во что бы то ни стало иметь свой кров, где можно укрыться от любых невзгод. Самые первые впечатления детства связаны у него с переездами с одной квартиры на другую, непременными ссорами между матерью и отцом, сборами, суетой. Упаковка вещей, увязывание тюков с подушками и тюфяками, куда вкладывалась посуда, мелкие вещи — от самоварной трубы до жаровни для рыбы, завернутой в газетную бумагу. Вещи грузили в повозку, запряженную парой лошадей, а мать суетилась рядом, стараясь втиснуть еще герань, гвоздику, пересаженную из горшков в консервные банки.

Эти повозки, груженные вещами, он запомнил на всю жизнь.

Во время переезда всегда что-нибудь случалось: то били тарелки, лампы и стаканы, то из бутылок с оливковым маслом, уксусом или сиропом, приготовленным матерью, выскакивали пробки, и содержимое бутылей заливало белье, оставляя пятна.

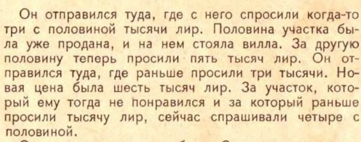
— Бедность — это позор! — кричал отец.

Когда он окончил лицей и вступил в самостоятельную жизнь, у него не было уже ни отца, ни матери... Помня о мытарствах с наемным жильем, он решил не жениться, пока не купит собственного дома. Пять лет ходил он в одном костюме; вкуса водки и табака даже не знал; не бывал ни в кино, ни в театрах; никак не развлекался — короче говоря, жил жизнью монаха или индийского факира, откладывая каждый куруш. И в результате пяти лет жизни, полной ограничений, накопил две тысячи лир. Эти деньги для таких, как он, считались немалыми. В те времена купить дом можно было и за тысячу лир, но он хотел не такую рухлядь, какую ему предлагали.

«Куплю участок и сам построю себе дом», — мечтал он.

Он хотел, чтобы дом был с большим красивым садом, стоял на берегу моря и недалеко от центрального проспекта. Дом так дом... Будущий домовладелец подыскал два участка в облюбованном месте. Но за один просили три тысячи, а за другой — три с половиной. Они были в самом деле хороши. Можно было купить приличный участок за тысячу лир, но он решил не торопиться, а приобрести то, о чем мечтал. Еще некоторое время нужно было жить, отказывая себе во всем.

Через три года у него собралось уже четыре тысячи. Теперь он был уверен, что купит отличный участок.

Он отправился туда, где с него спросили когда-то три с половиной тысячи лир. Половина участка была уже продана, и на нем стояла вилла. За другую половину теперь просили пять тысяч лир. Он отправился туда, где раньше просили три тысячи. Новая цена была шесть тысяч лир. За участок, который ему тогда не понравился и за который раньше просили тысячу лир, сейчас спрашивали четыре с половиной.

Он положил деньги в банк. Стал жить еще экономнее. И отказался от участка на берегу моря. Искал где-нибудь хотя бы просто в приличном районе города.

За шесть лет он сумел накопить только пять тысяч лир, а дороговизна росла. Участок за четыре тысячи лир был продан, и на нем стояло четыре дома, и было еще свободное место. За него требовали уже шесть тысяч.

Пришлось отказаться от покупки участка в городе. Его устроило бы и место где-нибудь на окраине. Постоянное стремление откладывать приучило его питаться почти что воздухом, и он пугал детей своей худобой. Но за следующие семь лет он сумел скопить всего семь тысяч лир.

Участок за семь тысяч... Над этим смеялись, когда он называл эту сумму. На такие деньги нельзя было купить клочка земли даже для хибарки.

Двадцатая часть участка, который когда-то продавали целиком за две тысячи лир, была свободна и продавалась. За нее просили сорок тысяч. Ничего кроме как копить деньги дальше ему не оставалось. И он весь отдался накопительству, составил план своего будущего дома. С двумя туалетами — турецким и европейским. Спальня, гостиная, столовая, зал и детская комната — по крайней мере пять комнат. Если он раньше мечтал о двухэтажном доме, то теперь согласен был и на одноэтажный. Он был уже далеко не молод, и при мысли, что когда-нибудь у него будет своя крыша над головой, у него навертывались на глаза слезы счастья.

Он еще туже затянул ремень и, стиснув зубы, продолжал откладывать куруш за курушем.

Вот стоит только купить участок и поставить дом, тогда... Пять комнат ему не нужно, не нужно и двух уборных — ни турецкой, ни европейской. Только бы одну свою комнату, где голову приклонить... И уж после постройки дома он сразу женится.

Лет пять тому назад он вышел на пенсию. Теперь уже как мало ни ешь и ни пей — ничего не отложишь. Но все-таки за всю жизнь он скопил двенадцать тысяч лир. Ни в городе, ни за городом, ни на берегу моря, ни на горе на такие деньги участка не купишь. Бесконечные поиски земли отнимали у него все время. Слова отца: «На земле — жилище, на том свете — вера!..» — постоянно стояли в его ушах.

Как-то вечером, возвращаясь после безуспешных поисков, он увидел у дороги кладбище. Зашел. Какая красота! Именно таким рисовался в его воображении сад перед домом: цветы, лужайки, газоны... Глядя на чистую зелень, он пробормотал:

— Кому не захочется на веки веков попасть в такую красоту!

Кладбище раскинулось на холме, над самым морем. Погрузиться в вечный сон под сенью стройных кипарисов — разве это не блаженство!

На следующий же день он поспешил в управление кладбищ.

— На том кладбище мест уже нет! — ответили ему.

За двадцать тысяч он мог бы купить место с хорошим видом на любом кладбище.

— А подешевле нельзя? — спросил он.

Были за пятнадцать, двенадцать и даже десять тысяч.

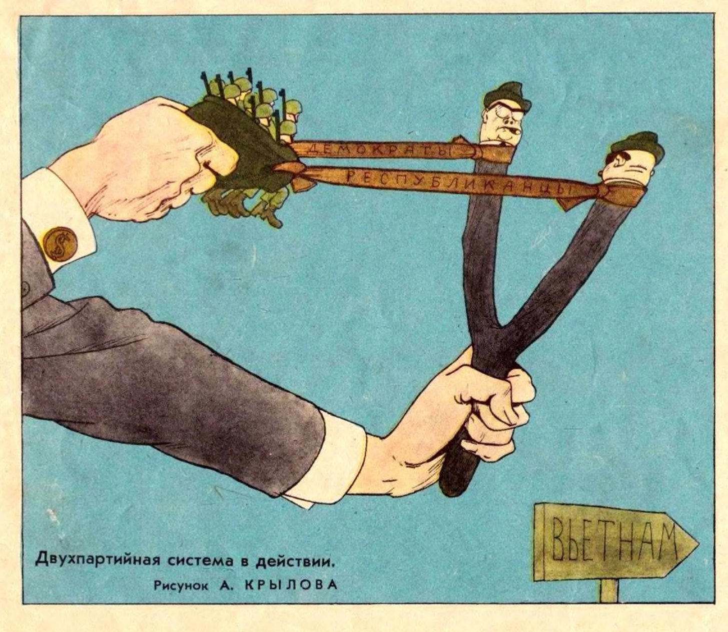
Он подумал... У него уже был опыт покупки участков. Еще через день цены подскочат, и на эти деньги ничего не купишь. Он купил место на кладбище в тот же день и оформил все бумаги, даже не взглянув на то, что покупает.

Затем пошел посмотреть. Это было место, затерянное среди разбитых могильных плит и вокруг — ни газонов, ни кипарисов... Но он был доволен и этим.

— О, это мое! Мое!.. — проговорил он, и глаза его заблестели.

Каждый день рано утром, как прежде на службу, отправляется он на кладбище, гордо садится на свою землю, расчищает ее от сорной травы, сажает цветочки и с нетерпением ждет дня, когда займет свое вечное жилище.

Перевели с турецкого
Г. АЛЕКСАНДРОВ и К. ГЛАЗУНОВА.

Двухпартийная система в действии.

Рисунок А. КРЫЛОВА

На съемках исторического фильма.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

ШЕСТЬ ПАР ОБУВИ

Альфредо ГРАВИНА

Уругвайский писатель-коммунист Альфредо Гравина хорошо известен советскому читателю. На русский язык переведены его произведения «Границы, открытые ветру» (1954 г.), «От страха и гордости» (1962 г.), пьеса «Остров любви» (1960 г.). Отдельные статьи Гравины публиковались в «Правде», «Литературной газете», журналах «Иностранная литература», «Вокруг света» и др.

Сатирическая повесть «ШЕСТЬ ПАР ОБУВИ» вышла в июне 1964 года в Монтевидео.

Действие происходит в Монтевисто. Название города вымышленно, но любой уругваец узнает в нем свою столицу, а за комичными ситуациями и аллегориями разглядит серьезные проблемы, стоящие сегодня перед уругвайскими трудящимися.

Слава богу, мне не тридцать. И не сорок. И не... Короче говоря, к началу событий, о которых пойдет речь, я был человеком с таким жизненным опытом, который позволяет находить выход в любом положении и который уже сам по себе представляет неисчерпаемое богатство. Поэтому, когда жена и дети одновременно и единогласно заявили, что им нужно купить новую обувь, я поступил, как поступает любой подобный мне богач. Я умело перевел разговор на другую тему.

Спустя некоторое время жена и дети вторично и уже несколько возбужденно обратились ко мне с той же просьбой. Я и здесь не растерялся, а призвал их сохранять спокойствие. Да, спокойствие, дабы дать мне разумный срок для всестороннего и глубокого изучения проблемы.

Они назначили мне два разумных срока. Потом — по моей просьбе — еще один... Потом... Потом они сняли с ног старую обувь и, размахивая ею, с пронзительными воплями занесли это орудие смертоубийства над моей головой.

Да, это было незавидное зрелище! Ботинки и туфли разевали рты еще шире своих хозяев.

— Не все сразу, не все сразу! — посоветовал я.— Давайте по старшинству...

Я взял туфли жены.

Вид у них был весьма поношенный. «И это носит моя половина», — грустно подумал я. Супруга давно разменяла четвертый десяток, но уверяет, будто ей что-то около тридцати.

За жениными туфлями стояли в очереди «гвоздики» Аурелии — моей старшей дочери, моей любимицы. Девчонке недавно исполнилось восемнадцать, но она уже была помолвлена. Ведь это — счастье, что стрелы Амура не так тупы, как «гвоздики» Аурелии, иначе оставаться бы моей дочурке в старых девах...

Ну а это... Достаточно было первого взгляда на полуботинки моего среднего сына Эдуардо, и каждый мог сразу убедиться, что в жизни обувь и ее хозяин очень часто стремятся к одним и тем же идеалам. Эдуардо едва стукнуло шестнадцать, но он уже гонялся за всеми босоножками на нашей улице.

И этот шалопай еще уверяет меня, что готовится к карьере банковского служащего! Впрочем, я вспомнил свою молодость и утешился тем, что Эдуардо, вероятно, разбивал сердца так же удачно, как свою обувь...

Последние две пары ботинок — четырнадцатилетней Росауры и двенадцатилетнего Фелипе — также не оставляли сомнений, что мои дети как дети...

— Дорогие мои! Слишком дорогие! — сказал я, обращаясь к членам своей семьи, окружившей меня излишне тесным кольцом.— Дайте мне всего одну ночь, и еще один день, и еще одну ночь, чтобы, взвесив, изучив и рассмотрев обстоятельства дела, я мог принять решение, которое удовлетворило бы вас всех.

Кольцо распалось...

Всю ночь я мучительно думал о том, что придумаю днем. А когда настал день, я напряг все мысли, чтобы достойно подготовиться к последней ночи.

И наконец она настала.

Когда я подсчитал, во сколько обойдется покупка новой обуви, то присвистнул. Уровень жизни в Монтевисто находился примерно на уровне моря, в то время как сам город располагался на довольно высоком берегу.

Оставался единственный выход — обратиться к сапожнику Джузеппе.

Старый сапожник Джузеппе работал денно и нощно рядом с горой обуви, угрожавшей в любой момент свалиться ему на голову. Но он был человек неустрашимый и, как все сапожники, немного философ. Сапожник знал бесполезность своего труда. Он ставил заплаты, накладывал стельки и прибивал каблуки, которые все равно должны были отстать, оторваться и отвалиться. Он лечил болезнь, которая была неизлечимой.

Поэтому Джузеппе никогда не прощался со своими пациентами. Он говорил им: «До скорой встречи!»

Но я не подозревал, что новая встреча будет такой-то уж скорой! Через три месяца воскрешенные сапожником к жизни шесть пар обуви разом были отброшены на исходные позиции. Пожалуй, еще дальше исходных.

В один день все мои домочадцы вдруг стали босяками. Они сняли с ног обувь и, безобразно размахивая ею, снова подступили ко мне, как к главе дома.

Я снова попросил у них всего одну ночь, и еще один день, и еще одну ночь, чтобы найти выход из создавшегося положения.

И я его нашел!

Наступала роковая минута, когда члены моей семьи должны были узнать, что они спасены.

В тот незабываемый для меня вечер, глядя на жену, Аурелию, Эдуардо, Росауру и Фелипе, собравшихся за обеденным столом, я, может быть, впервые в жизни пожалел, что не могу прокопать между нами подобающий торжественности момента ров с водой, наподобие тех, которые ограждают у нас футбольные поля. Не имея возможности поддержать эту национальную традицию, я ограничился тем, что придвинул к себе все столовые приборы (мера, как показали события, вовсе не лишняя) и, откашлявшись, начал:

— Дорогая жена, подруга и спутница! Столь же дорогие дети! Настало время рассмотреть наш обувной вопрос во всей его сложности и многогранности, начиная с доисторических времен и кончая... кончая нашими днями... Фелипе, не плюйся: ты за столом!.. Поэтому я прошу отнестись к моим словам с предельным вниманием и по возможности не перебивать меня. Рассмотрим вопрос с экономической точки зрения. Если до сих пор кожа считалась одним из богатств нашего Монтевисто, то теперь, как это ни парадоксально, она превратилась в фактор национальной нищеты. В самом деле, если вам придет в голову сумасбродная идея купить себе на ноги немного ходкой кожи, именуемой обувью, вам же придется спустить с себя семь полных шкур. Росаура, не скаль зубы, здесь нет ничего смешного!.. Перейдем от экономики к эстетике. Рассмотрим ту часть прикладного искусства, которая носит название моды... Что такое модная вещь? Это одежда или обувь, я подчеркиваю — обувь, еще не вышедшая из употребления. Следовательно, все, что не вышло из употребления, модно. Отсюда ясно, что нам нужно найти такую обувь, которая бы не снашивалась. То, что я вам сейчас предложу, возможно, вызовет дикие крики, и я хотел бы, чтобы они были криками восторга... Дорогие мои жена и дети! Я предлагаю вам перейти... нет, нет, сидите там, где сидели... я предлагаю вам перейти на ролики!

В этот момент действительно раздались крики. Даже еще более громкие, чем я предполагал.

Но, как глава семьи, я быстро перекричал все трибуны: северную, южную, западную и восточную.

— Смело, с задором и улыбкой встанем на ролики! — надрывался я.— Нет и не было более красивого, здорового, быстрого и экономичного средства передвижения! Все, как один, на ролики! И этот один — я!

Только теперь я понял, как тяжело было Эйнштейну пробивать свою теорию относительности! Ведь он не учел самого главного — относительности развития тех, для кого так старался. И хлебнул, как говорится, горя... На заре открытия его не поддержал никто, кроме друзей, которые ради дружбы покривили душой. А меня не поддержали даже друзья. Даже те, на чью солидарность я имел право особенно рассчитывать!

— Хорошенькое дело — на ролики! — вопил Эдуардо.— Я ни с кем не смогу пойти рядом, ни одну девушку не смогу взять под руку!

— Почему? — стараясь ввести дискуссию в серьезное русло, спросил я.

— Ты еще спрашиваешь, почему? Да потому что у меня с ними будут разные скорости. Не бегать же моим девушкам за мной!

— А почему бы и нет? — разумно возразил я.— В наше время все девушки бегают за молодыми людьми, так что ты не будешь исключением.

— Я потеряю жениха! Мое будущее разбито! — рыдала Аурелия.— Кому нужна невеста на... на роликах?

— Спроси у твоей матери, кому нужна была она, когда у нее не было в приданом даже одного ролика? А ты будешь иметь целых два!

Моя жена уперлась руками в бока — признак, не предвещающий ничего хорошего.

— Этого еще не хватало! Чтобы я в моем возрасте бегала по улицам на роликах! Тьфу!

— В твоем возрасте, дорогая моя? — Я изобразил лучезарную улыбку.— Ведь тебе, насколько мне известно из первоисточников, еще нет и тридцати!

Кажется, я попал в точку.

— Да, что-то возле этого,— забормотала жена,— но как я нацеплю на свои туфли ролики?

— Ну, это уже вопрос техники. А техника в наши дни может все.

Неожиданно стан противника дал трещину. Он поредел ровно наполовину.

— На ролики! На ролики! — пищали Фелипе и Росаура, которым, очевидно, вся эта затея представлялась новой занимательной игрой.— Хотим на ролики! Хотим красивое, здоровое, быстрое и экономичное средство передвижения!

Итак, несмотря на категорический отказ остальных членов семьи перейти на новое средство передвижения, я купил себе и малышам по паре роликов, и мы сообща начали курс учебы.

Иллюстрации В. Чижикова

И сразу поняли, что та обезьяна, которая миллионы лет назад, спустившись с дерева, сделала первый шаг на пути к человеку, шагнула неправильно. Мы убедились, что до сих пор не умели по-настоящему передвигаться. Все приходилось начинать с азов.

На начальной стадии обучения мы ходили в синяках и кровоподтеках. А однажды, съезжая по тихой улице к морю, я налетел на дом, который очень некстати подвернулся мне под ноги. Удар был настолько силен, что пришлось побывать у врача.

Я добавил к энтузиазму еще осторожность и скоро не только перестал налетать на дома и фонари, но уже умело объезжал движущиеся предметы, как-то: пешеходов, автомобили всех марок и троллейбусы. Еще немного — и я освоил фигуры высшего пилотажа, которые исполнял даже с некоторой лихостью.

И вот наступил день, когда я первый раз отправился на роликах в свою контору. В то время планировка Монтевисто позволяла проехать к центру по тихим улицам, почти безопасным для начинающего роликобежца. Я съехал к набережной и пустился по ней размеренным темпом, полным чувства собственного достоинства.

Широкая набережная, крики чаек, шум волн и свежий ветерок — все это делало поездку очень приятной. Правда, острые на язык прохожие попытались бросить несколько ложек дегтя в мою бочку меда, но я, несмотря на порядочную скорость, не оставался перед ними в долгу.

Вскоре жители нашего прекрасного Монтевисто заприметили и запомнили меня. Но, поскольку я по известным причинам не афишировал, что побудило меня встать с ног на... ролики, горожане смотрели на это как на милое и безобидное чудачество.

Фелипе и Росаура, вдохновляемые примером отца и тем, что я перестал выдавать им деньги на транспорт, также сделались превосходными роликобежцами. Они уже не стеснялись появляться на роликах всюду, к великой зависти всего молодого поколения нашего славного города.

И в один вдвойне прекрасный день Аурелия и Эдуардо также присоединились к нам. Аурелия, конечно, уверяла всех, что она встала на ролики, чтобы испытать прочность чувств своего жениха, а Эдуардо, тот... даже похвалил меня за выдумку. Теперь, на роликах, он поспевал к трем девушкам за время, которого раньше едва хватало для одной.

Только жена продолжала упорствовать. Она клялась и божилась, что никогда, да, никогда не примет участия в семейном помешательстве.

Но она приняла!

Ибо может ли помешательство быть семейным, если в нем не принимает участия жена?

Любо-дорого было смотреть, как вечером мы всей семьей катили в гости. Мою жену нельзя было узнать. Она превратилась в изящного, элегантного роликобежца. Теперь-то уж наверняка ей можно было дать меньше тридцати...

К тем памятным всем нам дням ролики начали появляться в Монтевисто, как цветы весной.

У меня нашлись тысячи последователей!

Бедность торопится, богатство не спешит. Однажды, взглянув на улицу, я с поразительной отчетливостью понял эту истину. Тротуары — от края и до края — заполнили густые массы роликобежцев. Они торопились, они неслись, чтобы не упустить свое маленькое счастье, которое так умело убегать!..

Пресса — тоже на роликах — кинулась искать зачинателей нового уличного движения, которое было названо даже «историческим». И однажды мой дом был буквально атакован журналистами. Они брали у меня интервью на третьей скорости, они забрасывали меня вопросами, стараясь обойти друг друга, вроде того как это делаем мы, когда опаздываем на работу...

А наутро мое имя — ЭРНЕСТО ФЕРНАНДЕС — красовалось огромными буквами во всех газетах, а мой портрет с очень фотогеничными роликами отбросил на задний план все, даже самые актуальные новости мировой политики.

Чего, казалось, мне еще желать?

Ролики практически не изнашивались, каблучно-подметочная статья была изъята из бюджета.

Мои интересы совпали с интересами общества. Все вместе наперегонки мы резво бежали впереди прогресса, навстречу светлому будущему...

Увы, все это мне только казалось!

Кампанию холодной, а затем и горячей войны с роликами открыл в нашем городе сапожник Джузеппе.

Однажды, когда я красиво, здорово, быстро и экономично двигался по своим делам, он выскочил из сапожной будки с шилом в руке и закричал:

— Мерзавец! Посмотри, что ты со мной сделал!

— Но позвольте,— растерянно начал я.

— Не позволю! А мне что жрать прикажешь? Никто больше не несет Джузеппе ботинки, туфли и эти... как их...— Он наконец вспомнил: — Босоножки!

Он бросился ко мне, но я мигом доказал ему все преимущества роликов перед обычным средством передвижения.

...Однако на этом неблагоприятное развитие событий не остановилось.

Джузеппе и такие же, как он, низкие личности (в основном — связанные с сапожным промыслом) стали заваливать улицы мусором и рассыпать на тротуарах камни, которые, естественно, не могли не превратиться для нас, роликобежцев, в камни преткновения. Но — что самое худшее — сапожник с шилом в руке

начал ходить за мной по моим любимым барам.

Вооружившись в отличие от Джузеппе только терпением, я перебегал из одного бара в другой, пока наконец не понял, что надо дать агрессии решительный и открытый отпор.

Только что я заказал третью порцию виски (две предыдущие мне пришлось оставить в других барах из-за этого прохвоста), как он появился снова. Порыскав осовелыми глазами в толпе посетителей и не найдя меня, он заорал как одержимый:

— Если в этом баре есть хоть один гнусный роликобежец, пусть отзовется!

Я отозвался, закатив ему такую пощечину, что он едва не свалился под стойку.

Джузеппе, который, по обычаю, был пьян, как сапожник, и испытывал двойное действие — водки и моих ударов,— был поднят своими единомышленниками как намокший, но еще боевой флаг.

Мы, роликобежцы, приняли вызов...

Владельцы бара, заинтересованные в своей репутации и сохранности посуды, попытались было нас разнять, но эта тщетная попытка кончилась тем, что нейтралов начали избивать обе враждующие стороны, сменившие для свободы действий тесный бар на более просторную улицу.

Удовольствие, как всегда, нарушила полиция, разведя одних в больницу, других — в участок. Я в виде исключения побывал в обоих местах.

Когда мне заштопали голову, полицейский комиссар начал вынимать из меня душу.

— Эрнесто Фернандес? — спросил он с таким видом, точно поймал меня на важной улике.

— Он самый.

— Главарь роялистов?

— Вы хотите сказать — роликистов, синьор? — тактично подсказал ему полицейский секретарь.

— Я сказал то, что хотел сказать,— отрезал комиссар.— Ну-с, Эрнесто Фернандес, отвечайте чистосердечно, не запирайтесь.

— Я не главарь, а зачинатель, комиссар,— уточнил я еще больше поправку секретаря.

— А что такое зачинатель?

— Это тот, кто зачинает. Я основал движение.

— Какое?

— Уличное, оно же историческое.

— С какой целью?

— Противостоять дороговизне хотя бы в одной области — обувной.

Глаза у комиссара сверкнули, как у леопарда.

— Противостоять дороговизне? Занесите это в протокол. Нам известно, что под предлогом борьбы с дороговизной рабочие тоже... устраивают беспорядки.

— Это—чисто словесное совпадение, комиссар,— начал было я.

Но комиссар уже не мог остановиться. Многолетний опыт выработал в этом участке особые приемы допроса, соответствующие в основном канонам драматургии. И комиссар инстинктивно чувствовал, что если он не будет нагонять темперамент, ему не миновать прийти к кульминационному моменту с пустыми руками.

— Где вы собираетесь?!— гремел он.

— Пока в барах.

— Я имею в виду конспирацию ваших тайных вечерей.

— Организационно мы еще в пеленках. Но у меня есть идея основать клуб роликобежцев наподобие уже существующих клубов футболистов, любителей скачек, шахматистов, диабетиков, холостяков и балетоманов.

— Молчать! Мы тебе прочистим мозги! — орал комиссар, переходя на блатной жаргон, знание которого вместе с эсперанто является обязательным для полицейских Монтевисто.— Кончай придуриваться! Молчать! Говори или ты у меня мигом расколешься!

Его кулак описал в воздухе дугу, которая по всем предварительным расчетам должна была войти в соприкосновение с моей переносицей.

Я подставил ему вместо переносицы кулак, а затем и второй.

Полицейские навалились на меня, включая и секретаря, не выпускавшего, однако, протокол из рук...

Но это были не самые сильные удары, которые мне пришлось испытать.

Наутро все газеты начали систематическую травлю роликизма, как движения, якобы инспирируемого извне, призванного посеять беспорядки в Монтевисто и тем самым сократить приток иностранных туристов.

Я не верил своим глазам: те самые журналисты, которые еще вчера считали за честь взять у меня интервью, сегодня объявляли меня самым низким, коварным и опасным для интересов города человеком. За такой быстротой, конечно, ни на одних роликах нельзя было угнаться...

Некоторые бульварные газеты покаялись, что увлеклись моим движением, приняв его за остроумную шутку, лишенную политического подтекста. Другие, а таких было большинство, просто объявили роликизм угрозой всему общественному строю, способной подорвать в стране «демократические устои и республиканскую форму правления».

«Роликисты, — надрывались борзописцы, — выступают против пресловутой дороговизны жизни. На самом деле, по данным, которые поступили в наше распоряжение, никакой дороговизны нет. В одном из следующих номеров мы со всей убедительностью докажем это...»

Радио заговорило в унисон с прессой. Утренние передачи начинались призывами: «Не становитесь на ролики, станьте на свои, богом данные вам ноги. Если вам нравятся ролики как спорт, можете кататься на здоровье, но отвергайте политический роликизм, зовущий вас на улицы!»

Телевидение, понятно, тоже перестроилось, для чего была срочно введена дополнительная, третья программа...

В довершение всего появились вооруженные банды, которые вечерами, а потом и среди бела дня начали избивать роликобежцев. Для защиты я соорудил себе некое подобие палицы (из железного прута и антикварной индейской болеадоры) и призвал роликобежцев передвигаться только группами.

Некоторое время моя палица держала банды в отдалении. Ударом такой штуки можно было перешибить хребет слону.

Банды также начали лихорадочно перевооружаться, наращивая и модернизируя свой арсенал. Последовали ожесточенные стычки, очень украшавшие и разнообразившие вечернюю жизнь нашего города.

Но вмешалась полиция, и начались массовые обыски среди роликобежцев.

На семейном совете было решено срочно спрятать палицу. В отличие от старших, предлагавших самые тайные места — от подпола до помойного ведра,— Росаура со свойственной современным детям сообразительностью предложила положить палицу открыто на буфет, рядом с безделушками.

Вечером нагрянула полиция. Мой старый знакомый, полицейский комиссар, безрезультатно перерыв весь дом (на буфет этот осел взглянуть не догадался) и потому рассвирепев, как черт, конфисковал вместо палицы опасную литературу: «Заговор Катилины» Саллюстия, «Отверженных» Гюго, «Красное и черное» Стендаля и «Дубровского» Пушкина. Последнего, кроме всего прочего, и за подозрительную фамилию автора.

А на другой день ко мне явился незваный гость... сапожник Джузеппе. Он заявил, что сам терпеть не может полицейских, и, чтобы у меня не возникало сомнений в его непричастности к их действиям, предложил мне мировую.

Последовавшая за примирением выпивка убедила нас, что ссоры, черт бы их побрал, тоже имеют некоторые привлекательные стороны. Мы пили за то, чтобы нам мириться в этой жизни не последний раз, и, так как к концу возлияний Джузеппе нетвердо держался на ногах, я предложил ему вернуться домой на... роликах.

По дороге меня восхищенно приветствовали мои верные единомышленники, роликобежцы нашего славного Монтевисто. Здесь же, на улицах, зародился план грандиозной воскресной демонстрации всех, кто исповедовал роликизм. Мы сообща решили прокатиться в воскресенье на роликах в знак протеста против растущей дороговизны.

Мои дети были в восторге, предвкушая массовый воскресный забег.

— Даже десяток реактивных самолетов не наделает столько шуму! — восклицал Фелипе, который был надежно воспитан мною в духе ортодоксального роликизма.

Но наступившее воскресенье, как гигантское цунами, разрушило все наши планы и надежды, смешав их с песком, на котором они были построены.

Все воскресные газеты на первых полосах напечатали постановление правительства.

В стране вводилось военное положение. Роликизм объявлялся вне закона.

Употребление роликов на суше и в территориальных водах Монтевисто запрещалось.

Специальным постановлением все владельцы роликов обязывались сдать последние в соответствующие полицейские участки.

С болью в сердце мы расставались с нашими маленькими друзьями. Мы говорили им: «До скорой встречи! До лучших времен!»

Ведь человеку всегда свойственно надеяться, что лучшие времена впереди...

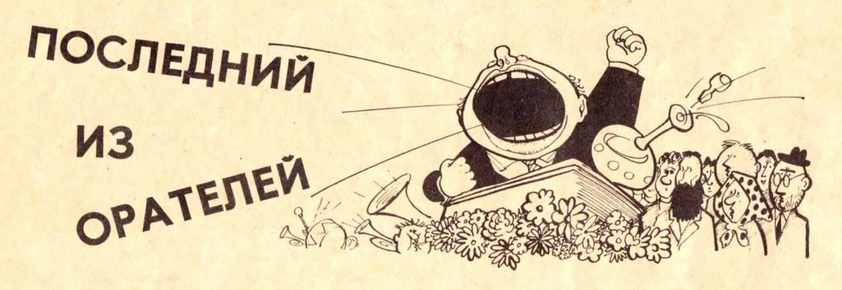
Это же утверждает и сапожник Джузеппе, который опять по целому ряду причин сделался философом.

Как очень немногие мудрецы, Джузеппе знает бесполезность своего труда. Он ставит заплаты, накладывает стельки и прибивает каблуки, которые все равно должны отстать, оторваться и отвалиться.

Он лечит болезнь, которая неизлечима...

Сокращенный перевод с испанского В. БЕЛЕНЬКОГО и Е. ПАТРИКА.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ОРАТЕЛЕЙ

В небольшом рабочем поселке построили баню. Это коммунальное сооружение было выдержано в истинно классическом стиле: деревянные лавки вдоль стен, шайки из оцинкованного железа, березовые веники и, конечно, поднятый ввысь полок, где, распластавшись под свистящими струями пара, человек может предаться безмятежной неге.

Поскольку очередной коммунальный объект был готов и опробован, предстояло приступить к процедуре, ради которой он создавался,— массовой помывке граждан. Тетя Шура, назначенная ведать объектом, хотела так и сделать, когда была остановлена чьим-то властным окриком:

— Хотите смазать торжественность момента!! Не выйдет!

И не вышло.

На фасаде бани появился транспарант: «Добро пожаловать!» Поскольку пламенное приглашение было начертано метровыми буквами, транспарант закрыл окна, и моечное помещение погрузилось в таинственный полумрак. Рядом с баней воздвигли добротную трибуну и укрепили на ней микрофон местного радиоузла. К назначенному часу стали прибывать колонны. Начался митинг.

Человек, в чьем голосе заметно преобладали властные нотки, привычно подошел вплотную к микрофону. Он говорил о грандиозности эпохи и проводил смелые параллели. Назвав возведение данного коммунального объекта историческим этапом, он подчеркнул глубокую причинную связь между еженедельным омовением тела и фотографированием обратной стороны Луны. В открытии бани он обнаружил зримые черты грядущего. Особенно же его поразило то, что новая баня, задуманная как сложный технологический комплекс, вырабатывает горячую воду. И он во весь голос процитировал Маяковского:

Можешь
холодной
мыть хохол,
горячей —
пот пор.
На кране
одном
написано:
«Хол.»,
на кране другом —
«Гор.».

Наконец затянувшийся митинг окончился. Настала торжественная минута. Пионеры, опустошив перед тем школьный розарий, преподнесли строителям цветы. Заведующий коммунхозом взял в руки ножницы, доставленные из соседнего хозмага. Они оказались безнадежно тупыми, и заведующий долго с ними мучился, пока кто-то не догадался перекусить ленточку зубами.

Участники митинга протиснулись внутрь и, к ужасу тети Шуры, нанесли в баню столько грязи, что надо было скоблить и мыть полы заново. К тому же, пока длилась торжественная часть, дрова под котлом прогорели, и из крана с надписью «Гор.» капала лишь тепленькая водичка. Излишне доверчивые граждане, явившиеся на митинг с завернутым в газету чистым бельем, вынуждены были ретироваться не солоно хлебавши.

Как, вероятно, заметил читатель, я не сообщил ни имени, ни должности организатора околобанных торжеств. Я не назвал его даже оратором. И это не случайно. Потому, что у микрофона поселкового радиоузла выступал всего-навсего оратель.

Отличие орателя от обычного оратора на митинге, собрании или конференции состоит в том, что оратель не говорит, а кричит, не высказывается, а вещает, не мыслит, а разглагольствует. И всегда, при любых обстоятельствах, только в мажорном тоне.

Его лексикон набит выспренними словами, как дворовый пес блохами. Вот далеко не полный перечень эпитетов, которыми он оперирует во все дни календаря, с самого раннего утра и до позднего вечера: величайший, лучезарный, солнечный, непревзойденный, выдающийся и т. п. Ура-образные метафоры выскакивают из его уст совершенно непроизвольно — стоит только ему взобраться на возвышение, хотя бы в отдаленной степени напоминающее трибуну.

В не столь далекое время племя орателей было довольно многочисленным. Это они, оратели, устраивали торжественные митинги по поводу и без повода, гремели литаврами из-за каждого пустяка и закатывали фейерверки в честь событий кухонного масштаба. Это с их легкой руки сообщение об окончании сбора пуха и пера в районе стали именовать рапортом, прокладку мощенного шлаком проселка — штурмом бездорожья, а выход из ворот мастерской трех отремонтированных тракторов — парадом могучей техники. Это они, оратели, первыми приравняли успех игроков в шашки на стоклеточных досках к Виктории, совещание уполномоченных госстраха — к Форуму, а заводской кружок начинающих литераторов — к поэтическому Олимпу.

В одном сельском клубе решили показывать колхозницам, как надо правильно обращаться со стиральными машинами, пылесосами и холодильниками. Оратель немедленно возвестил, что в селе создан народный университет быта. В состязании с зарубежными коллегами советские биатлонисты-юниоры добились перевеса. И оратель немедленно сообщил, что юные спортсмены «принесли на алтарь Победы»... 111 очков. На одной выставке экспонировались мило-наивные рисунки шестилетней девочки, изобразившей тучки, звезды, луну, солнце,— и оратель немедленно окрестил ее работы как «Космическую сюиту».

И вот наступило для орателей неуютное время. Умолкли литавры, погасли фейерверки. Совсем не потому, что у нас стало меньше успехов. Они налицо — победы в труде, в созидании, в творчестве, и победы немалые. Но стало хорошим тоном говорить о них с достоинством, скромно, без барабанного боя и треска. Потому,

---

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!..

Правда ведь, знакомые? Смотрите: вот перед вами бравый директор швейной фабрики, демонстрирующий обновки собственной прабабушки. Или, взгляните, другой экземпляр: верный поклонник матушки-штурмовщины.

Дальше вы видите обычного, рядового лодыря, которому некуда спешить. Переверните страницы журнала, и перед вами пройдут чередой:

закаленный прогульщик,

понаторевшие в краснобайстве деятели из породы звонко-восклицающих и многообещающих,

искусный очковтиратель,

беспардонный летун,

руководящий чиновник, который без опеки «сверху» — ни шагу...

Эти лица вам знакомы еще вот почему: вы уже видели их на страницах «Крокодила». С какой же целью мы снова воспроизводим их малосимпатичные физиономии? Ведь, кажется, песенка этих людей спета!

Да, их время истекло, и притом безвозвратно. Решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС, наметившие экономически целесообразные принципы организации социалистического производства, с корнем вырывают всех этих типов вместе с их привычками и традициями из нашей промышленности.

И все-таки мы снова возвращаемся к знакомым лицам. Для того, дорогой читатель, чтобы ты их лучше запомнил. Потому, что может случиться...

(см. стр. 13)

— Почему это директор фабрики сам демонстрирует платье?
— Манекенщицы постеснялись...

что непрерывный барабанный бой мешает работе, а следовательно, и достижению успехов. И стало дурным тоном превозносить до небес обычные результаты обычной работы. Короче говоря, установилась спокойная, деловая атмосфера, пагубная для оратепя.

И он быстро пошел на убыль — демиург шумихи, идеолог парадности, зодчий воздушных замков. Хорошо!

Но меня как сатирика, собирающего коллекцию всякого рода несимпатичных типов, не на шутку волновал такой вопрос: увижу ли я и запечатлею ли последнего из вымирающего племени ораторов!

Кажется, мне повезло.

Буквально на днях фельетонные дела привели меня в одну незнакомую коммунальную квартиру. Девочка-школьница впустила меня и юркнула на кухню. Я снял пальто и уже взялся за ручку застекленной двери, но вовремя остановился. В комнате, куда я собирался войти, сидел за столом человек. Он опустил взъерошенную голову рядом с пустой бутылкой и пел.

В зрелище подвыпившего и поющего человека нет, вообще говоря, ничего необычного. Но этот пел особенно. Он пел о чижике-пыжике на мотив заключительного хора оперы Глинки «Иван Сусанин». Помните: «Славься ты, славься, Русь моя! Славься ты, русская наша земля!» Вот как у него получалось:

Чижик ты, пыжик, где ж ты бы-л!
На Фонтанке, Фонтанке — водку п-и-л...

Сомнений быть не могло: это был он, оратель. Оказавшись не у дел, он отдыхал. Но и предаваясь отдыху, остался верен своей натуре. Незатейливая, простенькая мелодия «Чижика-пыжика» не устраивала его. Он переделал ее на привычный возвышенный и торжественный лад...

Потихоньку отойдя от застекленной двери, я оделся, вышел на лестничную клетку и от души расхохотался.

Мне было ничуть не жаль ораteля в отставке. И в то же время я возрадовался за жителей другого небольшого рабочего поселка. По моим сведениям, там тоже скоро откроют новую баню. И жители уже не будут томиться, ожидая, когда окончится приуроченный к данному событию митинг. А просто поздороваются с приветливой тетей Лушей, оставят одежду в уютной раздевалке, пройдут по удивительно приятному, свежеобструганному полу. Потом, вооружившись добротным березовым веником, заберутся на полок и всласть попарятся...

М. СЕМЕНОВ

СЕМЕЙНЫЙ ЭНДШПИЛЬ

Случилось это вскоре после нашей свадьбы. Зимним вечером я сидел на диване, курил и наблюдал, как жена вытирает пыль с картины. Выполняя эту нехитрую домашнюю работенку, она проявляла столько грации и изящества, что ей, наверное, могла бы позавидовать прима-балерина.

Я курил и думал, что нет на земле существа, которое я знал бы лучше, чем свою жену. До женитьбы мы были знакомы три года, и вместе мы были уже три месяца. Я изучил все ее милые привычки, вкусы и антипатии, знал, как она отреагирует на каждое мое слово... Все это было мне знакомо и тысячу раз дорого.

Жена кончила вытирать картину и села подле меня на диван.

— Что же мы будем теперь делать, милый? — спросила она и прижалась щекой к моему плечу.

— Что делать? — переспросил я и почувствовал, как нежность начинает переполнять сердце.— Я хочу, чтобы ты отдохнула, дорогая. Не сыграть ли нам в шахматы? Мы с тобой, кажется, еще ни разу не играли. Ты умеешь?

— Умею.

Жена спрыгнула с дивана, а я достал запыленные старые шахматы и расставил фигуры. Ей выпало играть белыми, и я усмехнулся: «Слабым всегда везет».

Хоть я и не бог весть какой игрок, однако сразу понял, что горячо любимое существо играет намного хуже Нонны Гаприндашвили. Уже в дебюте она глубоко задумалась.

В ожидании ее ответного хода я ходил по комнате, курил, от скуки рассматривал картинки в старом журнале. Вдруг жена сделала неожиданный ход ферзем, и я вынужден был либо сразу отдать коня, либо потерять одну за другой три пешки. «Эге,— подумал я.— Женушке-то палец в рот не клади!» Обхватив голову руками, я задумался. Через минуту я нашел путь к спасению и с легким сердцем сделал ответный ход, ликвидировавший все ее наивные угрозы. Жена тоже задумалась, но ненадолго: легко и непринужденно сняла моего слона, о котором я как-то не подумал.

Признаюсь, никогда не думал, что обожаемое существо может давить меня с такой методичной жестокостью. «Очевидно, она и в жизни не лучше,— думал я брезгливо. — Вот так будет травить соседских кошек, вскрывать мои письма, тиранить детей... И все с тем же бесстрастным выражением милого лица». Это было очень острое и неприязненное чувство, но усилием воли я его подавил.

Хорошенько подумав, я через несколько ходов отыграл слона и даже выиграл пешку. И снова жена стала казаться мне милым, вечно любимым существом, оберегать счастье которого — цель моей жизни. Я подошел и нежно поцеловал ее в затылочек.

В ту же минуту она сняла пешкой мою ладью и объявила шах.

— Как? — подскочил я на месте.— Как ты это сделала?

— Очень просто, милый,— ответила она и чмокнула меня в щеку.— Ты плохо продумал предыдущий ход.

Тут впервые в жизни ее поцелуй показался мне приторным и фальшивым. «Губы-то, как у лягушки,— с омерзением думал я.— А ведь она довольно-таки коварное существо. Подлизывается, глазки невинные строит, а чуть зазеваешься — зубами руку оттяпает. Представляю, что меня ждет: будет шпионить, вынюхивать, высматривать, и все молчком, с поцелуйчиками... А там бах — и в партком! Разбирать будут. В районном окне сатиры фотографию вывесят... Не-е-т! Даже любимая женщина — враг мужчины».

Но я снова прогнал от себя мрачные мысли и ценой получасовых титанических усилий выравнял положение. Теперь у нас осталось по две пешки.

Я ходил по комнате, курил и незаметно разглядывал супругу. К моему крайнему изумлению, оказалось, что и в ее внешности я раньше многого не замечал. Только теперь я увидел, что у нее маленький лоб, довольно широкие плечи и чрезвычайно короткие лодыжки. «Да ведь она совсем не Джина Лоллобриджида!» — чуть не воскликнул я. И тут же подруга жизни сняла мою проходную пешку.

— В общем, хватит, голубушка! — не вытерпел я. — Я голоден, как волк, а ты тут расселась, словно принцесса. Марш на кухню! И не забывай, что у тебя теперь муж, семья, обязанности.

— До чего же ты груб, милый! — поднялась с места жена. На ее чудесных агатовых глазах появились росинки слез.

Я пожал плечами и вышел в соседнюю комнату.

Шахматы — благородная игра. Но только до тех пор, пока жена играет хуже мужа.

М. ГРИШКЕВИЧ

Без слов о штурмовщине.

Потерянные часы.

Григорий ПЕРОВ

Ремонт с портфелем

Ремонт намечен капитальный.
(Не зря два года хлопотал!)
Включили дом наш в план
квартальный,
И вот квартал
Уже настал...
Еще проходит пять кварталов —
Нам не завозят матерьялов.
От ожиданья я ослаб.
«В чем дело,— говорю,— прораб?»
А тот глазами лишь моргает,
На что-то явно намекает...
Кричу:
«Начните же ремонт!»
«Ты что, слепой? Хоть и с очками!
Кто скажет, это не ремонт,
В меня пусть бросит первый камень!»
Смотрю кругом:
Ищи сто лет,
Не то что камня —
Щепки нет!
Тогда, от злости чуть не воя,
За неимением камней
Портфелем запустил в него я,
Удар был молнии сильней.
Всю ночь не находил я места:
За хулиганство
Ждал ареста.
В окошко глянул поутру —
Снуют машины по двору,
Сгружают горы леса, камня,
Цемента, глины и песка мне.
Стал на глазах меняться дом
Без просьб,
Без подкупов,
Без блата...

Жаль одного:
В портфеле том
Лежала вся моя зарплата!

г. Кишинев.

В. АРДОВ

Ваал (или Вал) — в древности бог, покровитель торговли.

Вал крепостной — основное сооружение для защиты от нападения неприятелей.

Нижеприведенную речь произнес почтенного возраста заведующий отделом сбыта на дне рождения у директора завода:

— Товарищ тамада, я прошу слова! Мы сегодня приветствуем дорогого Николая Пантелеймоновича Житухина, который уже двадцать восемь лет возглавляет крупные и мелкие предприятия. Ура! Я не преувеличу, если скажу, что наш родной, всеми любимый Николай Пантелеймонович — один из наиболее авторитетных работников. Возражений нет? Идем дальше: а чем Николай Пантелеймонович добился такого авторитета? Я отвечу: Николай Пантелеймонович исключительно умел управлять производством. Думаю, что выражу общее мнение, если замечу: всех нас выручал и направлял наш дорогой хозяин и именинник — наш горячо любимый Николай Пантелеймонович!

Но, дорогие друзья, если смотреть глубже, то позволительно спросить: а на что опирался Николай Пантелеймонович в своей деятельности на разных постах? Охотно отвечу и на этот вопрос: он опирался исключительно на вал. Не зря древние жители назвали своего любимого бога именно так: Вал. Ну, если хотите,— Ваал... Разница невелика. Это божество покровительствовало тем, кто в него верил. Это исторический факт, товарищи, зафиксированный во всех учебниках и учебных пособиях!

Идем далее. Не зря основные сооружения старинных крепостей называли тоже валом. И этот вал защищал воинов, оборонявших данную крепость от ревизоров, обсле... простите, от неприятелей и их артиллерий. Катапульты там, фальконеты, гаубицы и так далее. Да! Вал — вот что решало вопрос и на том этапе.

Но разрешите мне перекинуть мост к нашей современности. Что выручало Николая Пантелеймоновича и всех нас? Опять-таки вал. Вал! Только он! Но, разумеется, вал уже в другом, современном смысле.

Боже ж мой, как нам было хорошо, когда мы все занимали производственные позиции за этим новым современным валом! То есть за цифрами годового вала — валового выпуска продукции. Этот Вал, он в опытных руках нашего любимого Николая Пантелеймоновича всех нас поил, кормил, обувал, одевал и награждал премиями.

Чуть, бывало, что-нибудь не ладится — снабжение ли подведет, ассортимент ли не вытанцовывается, повысят ли план,— что надо делать? Надо — хе-хе! — возносить моления ему — нашему защитнику и хранителю — Валу!.. С ним было спокойно...

И Николай Пантелеймонович, как первый жрец... Нет, я скажу: как первосвященник этого Вала, он всегда знал, что надо делать... Не буду вдаваться в разные подробности. Скажу только: жрецом Вала тоже не так-то легко быть. Но наш обожаемый Николай Пантелеймонович умел играть и плясать перед скинией, как говорили в старину, сего божества! Умел! А почему в прошлом времени? Потому что, как мы все знаем, ныне это божество аннулировано, как и многое другое.

Конечно, все в мире идет вперед. Но мы не можем без слез умиления вспоминать об уходящем ныне от нас божестве, коего великим жрецом был наш хозяин и именинник... Вал, вал! Сколько раз он выручал нас!.. Как легко было его выполнить или перевыполнить! Грозит, допустим, недовыполнение на столько-то тысяч рублей. В чем дело? Выпускай что подороже! А как сделать подороже?.. Боже ж ты мой, какие пустяки!.. Прибавь к товару какую-нибудь там финтифлюшку, виньетку, золотую полоску, узорчик — и вот тебе рубли... сотни... тысячи!.. Как жертва великому богу Валу! И все в порядке: премия цела, план сделан, начальство благодарит и награждает...

Правда, в наши годы такого безобразия не было, чтобы покупатель возвращал или не брал товара... Все брали всё! А теперь?.. Теперь, я боюсь, нам, жрецам этого самого Вала, скоро придет — что? — конец. Теперь эти новые порядки — спрос там со стороны покупателей, качество и так далее,— они нас всех погубят...

Вот почему я с таким волнением приветствую ныне нашего горячо любимого Николая Пантелеймоновича, ибо в его лице мы чествуем вчерашний день нашей деятельности. Дай бог вам и нам, Николай Пантелеймонович, всяческого благополучия! Дай бог, чтобы свержение Вала, как бы это выразиться, рикошетом не задело вас, а заодно и нас. От всей души желаю вам и нам, Николай Пантелеймонович, удержаться на прежней высоте и впредь! Ура! Я кончил, товарищи...

— Положение угрожающее! Резкие перебои в работе...

— Доктор, это вы мою трудовую книжку просматриваете?

Звонарь.

ЗАПОЗДАЛАЯ ТРЕВОГА

Нынешней весной по улицам и учреждениям города Бобруйска птицей носился слух:

— Директор автобусного парка Селиванов погорел!

Совсем еще недавно «погорелец» считался примерным и аккуратным работником. Подшитые к его личному делу справки и характеристики были только положительными: Н. Ф. Селиванов к порученному делу всегда относится с любовью; сам уважает товарищей и у них пользуется авторитетом; хмельного в рот не берет; задания и указания выполняет добросовестно. Словом, по всем статьям порядочный человек и стоящий работник.

За эти добрые качества Н. Ф. Селиванова и назначили директором бобруйского автобусного парка.

Заботами нового директора отстававший автобусный парк вылез из трясины, вышел на асфальт, взял уверенный разгон и на большой скорости покатил в гору. Вскоре он стал одним из лучших в Белоруссии. О Селиванове заговорили в республиканском масштабе. Его ставили в пример. Ему посыпались премии...

Спустя какое-то время все знавшие Селиванова стали замечать в нем неприятные изменения, которые уже не вязались с прежними справками и характеристиками. Менялись и дела в парке.

«Пожар» начался не сразу. И, как это ни странно, очагом загорания явились премии. По неписаным законам, всякую премию здесь полагалось «обмывать». Не успевал человек расписаться в ведомости, как невесть откуда появлялись друзья-приятели, охотники выпить за чужой счет. Не брезгали угощениями и бывшие руководители областного автотреста. Не минула чаша сия и Н. Ф. Селиванова. Он угощал. Его угощали.

Так и пошло — от премии к премии, от получки к получке. Человек стал меняться на глазах. В городские организации начали поступать тревожные сигналы.

Но работники горкома ничего тревожного в поведении Селиванова не усмотрели и решили шума не поднимать, дабы «не компрометировать дельного руководителя»...

Тем временем Селиванов катился дальше. Для нахлынувшей оравы «обмывальщиков» уже не хватало ни премий, ни зарплаты. И тут начались махинации. Чтобы перевыполнить план и получить премиальные, стали пускать в рейсы списанные машины. В гараже и мастерских появились «левые» работы. Пошатнулась дисциплина. С высоты, на которую парк в свое время поднялся, он стал юзом сползать вниз. В городские организации полетели еще более тревожные сигналы:

— Человек горит!

— Больше выдержки! — отвечали городские руководители.— Придет время, мы сами забьем тревогу!

Каланча ли в Бобруйске оказалась невысокой или какая сигнальная кнопка не сработала, только ни боевой, ни самой обыкновенной тревоги за судьбу человека и судьбу порученного ему дела не было. В горкоме попрежнему не хотели поднимать шум из-за «мелочей». Ждали, когда поступки Н. Ф. Селиванова созреют для серьезных оргвыводов. Ожидание затягивалось...

В Минске каланча оказалась выше. За сто двадцать километров от Бобруйска республиканские организации рассмотрели истинное положение дел в автобусном парке. Из Минска в Бобруйск приехали полномочные представители. Далее случилось то, что неминуемо должно было случиться: Селиванова с треском сняли. А бобруйские товарищи слишком поздно приехали на «пожар» и застали одни холодные головешки.

Примерно такая же история произошла и с руководителем планового отдела Бобруйского райисполкома А. И. Балыко. До недавнего времени у нее были тоже одни только отменные характеристики. Да и без характеристик ее знали как инициативного, растущего руководителя. В райисполком А. И. Балыко пришла комсомолкой. Здесь вступила в партию. Стала руководителем большого отдела. И как человек и как работник была окружена уважением.

Но вот из Бобруйска пришло письмо, в котором говорилось, что А. И. Балыко, имея прямое отношение к распределению дефицитных строительных материалов, не забывала и о собственном благе. Вместе с мужем она заканчивала строительство нового дома. И в то же время добилась получения государственной квартиры.

Сигналы о непорядочном поступке А. И. Балыко доходили до председателя райисполкома тов. Зимина. Но тов. Зимину не хотелось поднимать шум, который «бросит тень на райисполком». И председатель молчал. А работник уже «горел»...

Вот вам и вопрос: стоит ли дожидаться, пока незначительный проступок разрастется и «дорастет» до оргвыводов или до статьи Уголовного кодекса?

И. КОСТЮКОВ

г. Бобруйск,
Могилевской области.

НА ВИД...

Открыт в совхозе детский сад.
Отметили событье это
Организацией банкета —
«Шумел камыш» два дня подряд.
Два дня подряд все ели, пили...
За чей же счет икру купили?
Сыры, салат, портвейн, мускат?
За счет питания ребят.
И вот летит письмо в газету.
И очень скоро весь район
Читает острый фельетон
С припискою:
«Начальство, где ты?!»
Отозвалось начальство сразу,
Незамедлительно. Оно
Поражено, возмущено
И реагирует приказом.

И вновь летит письмо в газету:
«Да, подтвердился фельетон!
Виновник этого банкета
Решительно предупрежден.
Проявлен нами, безусловно,
Принципиальный интерес
К сигналам прессы: поголовно —
И с занесением и без —
Взысканье вынесли виновным.
Мы у газеты не в долгу!..»
А вот про деньги — ни гу-гу!
Вот так «на вид» мы ставим часто,
Когда пора бы крикнуть: «Баста!
Эй, кто там до банкетов лаком,
Выкладывайте деньги на кон!»

Ц. СОЛОДАРЬ

— Когда будете в следующий раз брать обязательства, меньше кричите и не бейте себя в грудь...

Бюрократический надуванчик.

СВОИМИ СИЛАМИ

Пять грузовиков нашего совхоза двинулись на авторемонтный завод в город Александрию, Кировоградской области.

Признаемся, мы совершили большую ошибку. Вместо того, чтобы тут же направить совхозных шоферов на курсы шлифовального, токарного, слесарного и карусельного дела, разрешили им, пока ремонтируются машины, уйти в отпуск.

Наступил день, когда с завода сообщили: «Приезжайте!» Водители явились на завод. Их подвели к конвейеру, дали в руки инструменты и сказали: валяйте, дескать, дальше в порядке самообслуживания!

И ребята, засучив рукава, десять дней старались доделать то, что авторемонтники не сделали за три месяца. Стараться-то старались, но по причине недостаточной подготовки цели не достигли.

Это выяснилось сразу же после того, как «капитально отремонтированные» машины своим ходом мужественно преодолели триста километров до совхоза. К тому времени на одной машине все шестерни оказались совершенно беззубыми. В другой — «полетела» крестовина кардана. Третья при каждом повороте колес стала издавать какие-то подлые звуки. И т. д. И т. п.

Честное слово, я за самообслуживание. В магазинах, столовых и даже в парикмахерских. Что же касается авторемонтных заводов,— тут рукоплескать не собираюсь. Считаю преждевременным.

В. КРАМАРЕНКО,
главный инженер совхоза «Солнечный»
Голопристанский р-н, Херсонской обл.

Несите знамена!

Спешим похвастать. В новом учебном году самая высокая в стране успеваемость будет у нас, в Бугульме. Объявился у нас свой, бугульминский, Макаренко, наш местный Ушинский. Успеваемость будет 100%. Не уйти нам от почета.

Звать нашего Макаренко, нашего Ушинского Камалетдиновым Нагимом Нагумановичем. Завгороно он у нас.

И претворил он в жизнь свое рацпредложение: всех учеников, получивших переэкзаменовки на осень, отметить в отчетах как успевающих.

И успеваемость резко подскочила. В девятой школе, например, с 91,7% до 94,8%.

Так что мы теперь со всей ответственностью заявляем: в каком там городе хранятся почетные грамоты? Где там переходящие знамена? Срочно везите их к нам: у нас успеваемость вот-вот достигнет 100%. А может, и больше, если Нагим Нагуманович захочет и никто ему не помешает.

П. МАТВЕЕВ
г. Бугульма.

Новый хамелеон

У Брокгауза и Ефрона о хамелеонах сказано, что это ящерицы, способные довольно быстро изменять окраску.

Судя по письму читателя Т. Анциферова из г. Фрунзе, к подотряду хамелеонов можно причислить еще и холодильник «Бирюса». Ему нужно только десяток дней, чтобы из белого превратиться в грязно-бурый. Такой цвет ему придает ржавчина.

Руководители завода, выпускающего «Бирюсу», имеют полное право переименовать свое детище в «Хамелеон ХБР» — «Холодильник Быстро Ржавеющий».

Б. К.

СООБРАЗИЛИ НА ДВОИХ!

Дорогой Крокодил! Ты поместил в № 17 фотографию, которая нас очень взволновала. Два парня-рыбака свободно уместились в одном свитере. Хотим через тебя передать им следующее:

Ребята! Это верно, свитер у вас богатырский, хоть Илье Муромцу по плечу. А вот штанишки-то у вас не под кадриль. Мелковаты штанишки для свитера. Можем вам помочь добиться полного ансамбля. Поглядите на снимочек — не подойдут ли?

Мы, рабочие Волгоградского завода тракторных деталей и нормалей, в порядке солидарности можем выслать такие штаны. Тем более, что они нам без надобности.

И. ВОРОНЕНКО,
рабочий завода, по поручению коллектива
г. Волгоград.

Дорогой Крокодил!

В № 23 журнала была помещена заметка «Килька-путешественница». Житель города Правдинска, Калининградской области, тов. Аверкин купил баночку килек астраханского производства и попросил товарищей, ведающих распределением рыбопродукции, подбросить нам на берега Балтийского моря еще и дальневосточных деликатесов.

Не надо умолять товарищей по распределению рыбопродукции. Ведь они давно об этом побеспокоились и завезли в Калининград, что на Балтийском море, сельдь тихоокеанскую жирную в желе производства Сахалинрыбпрома.

Если уж тов. Аверкину так хочется тихоокеанских деликатесов, пусть приедет к нам в гости.

Е. КУПРИЯНОВ
г. Калининград.

МАТРЕШКА НА ТРИ ПЕРСОНЫ

Стать языкотворцем не так уж трудно. Для этого следуй двум обязательным правилам: а) не думай о том, что собираешься писать, и б) не пытайся вникнуть в суть написанного.

Весьма деятельны языкотворцы торгово-промышленного цеха. И не где-нибудь, а в Москве. На радость детям здешняя фабрика озвученной игрушки делает симпатичных пластмассовых лошадок. Потянешь за специальное колечко — раздается приятное ржание. Все это называется «Конь богатырский озвученный».

Не отстает и периферия. Фабрика игрушек в г. Нолинске (Кировская область) выпускает обычных русских матрешек. В документах они именуются на манер автомобилей или вагонов: «Матрешка трехместная», «Матрешка четырехместная» и т. д.

Конечно, не обязательно привлекать к составлению фабричных артикулов Институт языка и литературы. Но почему бы все же не поручить это дело людям грамотным? И главное, не лишенным чувства юмора? А то ведь дети смеются.

Ю. ШАНИН,
преподаватель Киевского мединститута

Кончился завод.

Поводырь.

...Да, может случиться, что очковтиратели, бракоделы, лодыри, летуны, пустозвоны и прочие попытаются опять проникнуть в цехи и на стройки. А тогда мы должны встретить их добрым традиционным «приветствием»:

— ОТ ВОРОТ — ПОВОРОТ!

Веселый

«Давненько я не брал в руки шашек»,— сказал браконьер.

Скульптор придал деревянной фигуре каменное выражение лица.

В. ТИЛЬМАН

Судья обвиняемому.— Как ты посмел забраться в чужую квартиру ночью?

Обвиняемый. — Господин судья, когда меня судили в прошлый раз, вы сказали: «Как ты посмел забраться в чужую квартиру среди бела дня!» Объясните, ради бога, когда же мне работать?

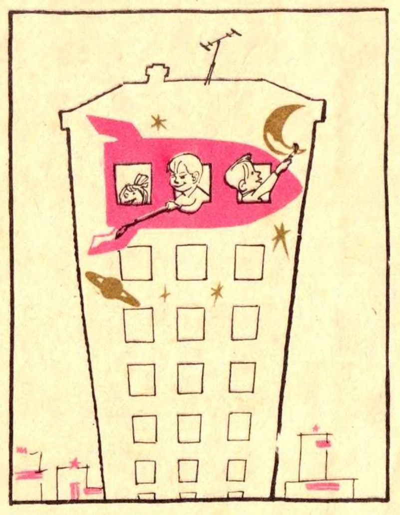

Рисунок А. ГРУНИНА

— Говорят, что гениальность — это болезнь.

— Пусть это вас не беспокоит, вы выглядите совершенно здоровым.

— Прошу извинения, фрейлен, снимите, пожалуйста, вашу шляпу! Я заплатил две марки за свой билет в кино и хочу что-нибудь увидеть.

— А я за свою шляпу заплатила двадцать марок и хочу, чтобы ее все видели.

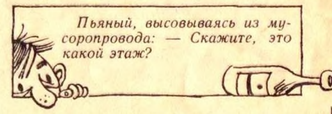
Владимир ИВАНОВ

УТОЧНЕНИЕ

Задержали Варю-грубиянку.
— Вам не стыдно? —
задали вопрос.—
Криком незнакомую гражданку
Довели, глядите-ка, до слез!
— Вот уж враки! —
Варя отвечала.—
Я своей вины не признаю.
Что вы! Отвяжитесь! Я кричала
На родную бабушку свою!

ХОРОШАЯ ПАМЯТЬ

Нельзя сказать:
Не кажет глаз,—
Нет-нет да и заглянет внучка.
И почему-то всякий раз,
Когда у дедушки получка.

Пьяный, высовываясь из мусоропровода: — Скажите, это какой этаж?

«Он любил играть на гитаре местного профиля — дутаре».

(Из протокола допроса).

Выписал Г. АУБАКИРОВ.

г. Ташкент.

«Прошу Вас выслать киноартистов наложенным платежом 50 штук. Современных, молодых».

(Из заявки).

Прислала Л. ЛЕСНАЯ.

г. Москва.

«Местному Комитету станции Тихорецк от стрелочницы РУДИКОВОЙ.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу Вашего разрешения определить мою дочь в детсадик, так как в сентябре ей будет 3 годика».

Резолюция. Топливный склад! Отпустите 0,500 кг угля. Махрова».

Прислал И. ПОБАЧАЕВ.

— Когда же у вас будут игрушечные кони?

Рисунок В. ВОЛКОВА

Сгибался перед Завом Зам,
Был мягче самой мягкой замши.
...А дома жестким был — и сам
Поклонов требовал от Замши.

В. ГРАНОВ

МУХА

Пчеле сказала как-то Муха:
— Я тоже обществу служу.
Почти у каждого над ухом
О наших трудностях жужжу.

И. ПРАВДИН

г. Пушкин.

Рудольф РИММЕЛ

СОЛИСТ-РЕЦИДИВИСТ

Из зала — вопли, крики, стон...
— Что там? Скажите, бога ради!
— Несчастье! Снова баритон
Зарезал песню на эстраде!

Перевод с эстонского Р. Матвеева.

За каждое «как сейчас помню» мемуаристов надо штрафовать.

— Мы когда-то целовались.
— Но это было давно и при муже.

Тяжелая неделя. Каждый день — понедельник.

Обыватель, вздыхая: — Сколько еще человечество должно понести жертв, пока я с полной безопасностью смогу полететь на Марс!

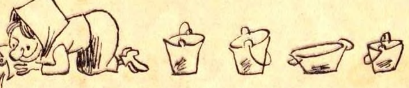
В столовой решили дать стенной газете самокритическое название: «Скатерть-самобранка».

— Вы далеко пойдете!
— Да нет, я уже назад иду.

Легко уважать человечество в целом, но попробуй-ка уважать отдельных людей!

Н. рассказал жене, что его приятель выиграл десять тысяч. Жена заплакала от обиды.

Ю. ФЕДОСЮК

«Заставить извиниться гр. Артемьеву перед комендантом, которого она замешала в сплетне, перефразировала и вылила на него всю грязь».

(Из протокола собрания).

Выписала Е. ЧЕРНОВА.

г. Кемерово.

«Вахта! Пропустите плюшевую скатерть и с ней подателя записки».

(Из распоряжения).

Прислал Н. ПОЛИНЕВСКИЙ.

г. Пенза.

Праздничный концерт.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Фейерверк

Бабкен КАРПЕТЯН

ПОЛЬЗА НЕГРАМОТНОСТИ

У Ковбаха цитата на цитате —
Не книга, а набор чужих цитат.
Но, несмотря на явный плагиат,
Его не обвините в плагиате:
Чужие мысли так он смог списать,
Что автору родному не узнать,
Искажена им каждая цитата,—
Неграмотность спасла от плагиата!

Перевод с армянского А. Внукова.

— Вы, вероятно, автолюбитель?
— Как вы догадались?
Рисунок С. СПАССКОГО

«Я обвешивала невнимательно, теперь буду повнимательнее».

(Из объяснения).

Прислал А. МУСАЕВ.

г. Волгоград.

«Развитие птиц и рыб целесообразно в водоемах».

(Из ответа на статью в газете).

Прислал Н. КРАСНОЧУБ.

г. Сочи.

●

Молодой фоторепортер хорошо себя проявил, но не сумел закрепить успех.

У него была решительность, но он не знал, что с ней делать.

Учебник был написан настолько трудным языком, что школьникам засчитывали чтение его за перевод с иностранного.

Читая произведение молодого автора, критик напал на мысль... и мгновенно растерзал ее.

И. НОРИНСКИЙ

НЕ ИЗ ПУГЛИВЫХ!

— В загс пошли,— сказала Алла.—
Хватит встреч, довольно фраз!..
Хмыкнул Жорж:
— Вот испугала!
И пойду...
Не в первый раз.

В. ЧУБЕНКО

«ДОКЛАДНАЯ
от бригадира отгонного пункта Деревянко А. И.
Доношу до сведения в том, что я отпустил трактор домой для того, чтобы переодеться, но он самовольно до сих пор не возвращается, а что за причина, не знаю».

Выписал П. КОЛЬЦОВ.

ст. Калининская, Ростовской области.

Унаследовал известную фамилию, но имени не приобрел.

Ю. СЛУЦКИН

— Бросай мне сыр, я тебе бутерброд сделаю.
Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«А. Виноградов. Три цвета времени. Роман из четырех частей. Этот роман о выдающемся французском писателе Стендале и показывает его таким, каким он был и каким его не видели до сей поры.

Пьер Гаскар. Зерно. Роман. Автобиографический роман признанного французского писателя, лауреата Гонкуровской премии Пьер Гаскара «Зерно» повествует о том, как формировалась мироощущение и складывался характер мальчишки-сироты, как прорастало зерно, упавшее в каменистую почву».

(Из проспекта смоленского магазина «Книга—почтой»).

Прислала С. КОВАЛЕВСКАЯ.

г. Асбест.

●

«Обе семьи экономически живут членораздельно».

(Из заявления в жилищную комиссию).

Переписала Ю. ЛОГИНОВА.

г. Москва.

«Диван для ожидающих в парикмахерскую работает круглые сутки».

(Объявление на вокзале).

Переписали Г. ВЕРЕМЕЕНКО и В. ЧЕХЛОВ.

г. Брянск.

Соседи не могли наглядеться друг на друга в замочные скважины.

С. КУКАНОВ

●

Молчаливый нытик.

*

Спортивный комментатор писал: «На пьедестале почета стояла девушка с медалевидными глазами».

В. ХОЧИНСКИЙ

г. Ленинград.

Анюткин и Марфуткин КВН

В одном колхозе жили-были две деревни с поэтичными названиями Анюткино и Марфуткино. Жили по соседству: Анюткино — на левом берегу извилистой реки Тверцы, а Марфуткино — на правом.

И на левобережье и на правобережье ребята с девчатами до того смышленые да развитые, ну, прямо-таки ума палата! Что ни парень, что ни девка — ходячая энциклопедия. Как побываешь в ихнем КВН (есть у них такой Клуб веселых и находчивых), будто в академию съездил.

Анюткинцы сыплют заковыристые вопросы в марфуткинцев, а те шпигуют не менее занозистыми вопросами противную сторону. Словом, и одна сторона не уступает и другая не поддается.

Надумали так: просить райком комсомола для разрешения спора пригласить в колхоз знаменитого профессора из города. В райкоме просьбу обсудили, одобрили и сообщили, что на заседание КВН приедет известнейший лауреат, академик Хуторской-Сельский.

Наконец настал долгожданный день. Клуб переполнен. Ребята и девчата с левобережья Тверцы заняли, по традиции, свою левую, анюткинскую, сторону сцены, их друзья, то бишь противники с правобережья,— свою правую, марфуткинскую. Академик уселся посредине сцены, за столиком, на котором красовался пузатый сверток — премия победителям.

И началось!

Анюткинцы смело пошли в атаку:

— В каких местах Америки и Африки самые зыбучие пески?

— Как называются и что собой представляют моря на невидимой стороне Луны?

— Чем питается и сколько времени может прожить без еды китайский медведь панда?

— Кто написал песню, в которой есть слова: «И на Марсе будут яблони цвести»,— и что нужно, чтобы на Марсе в самом деле зацвели яблони?

Марфуткинцы и глазом не моргнули, ответили, как по писаному, будто речь шла о том, сколько будет дважды два. Ответили и тут же перешли в наступление:

— Какой химический состав почвы на Марсе вблизи моря Амозонис?

— Сколько лет нужно лететь до звезды Проксима Центавра?

— У людей какого племени самая длинная шея?

— В каком году до нашей эры впервые разграблена гробница египетского фараона Хеопса?

Озадаченный академик Хуторской-Сельский задумчиво разглаживал бороду и пожимал плечами.

Словесная баталия все разгоралась и разгоралась. Чего только не пришлось послушать в тот вечер! По какой причине умер римский император Нерон? Почему стало меньше раков в притоках Гвадалахары? Сколько выпадает осадков в сентябре на севере Тибета? Кто был десять лет назад правым инсайдом в сборной футбольной команде Чили, и какова его дальнейшая судьба?

Наконец академик Хуторской-Сельский улыбнулся хитрой стариковской улыбкой и добродушно молвил:

— Прежде чем определить, какой стороне вручить вот этот подарок,— академик поднял лежавший на столе сверток,— разрешите спросить: сколько каких удобрений должны внести анюткинцы на седьмое песчаное поле, чтобы намолотить столько же пшеницы, как марфуткинцы на четвертом, тоже песчаном поле?

Почему нынче анюткинские коровы дают в полтора раза больше молока, чем марфуткинские, и какой самый лучший рацион можно составить для холмогорки Именинницы, если сейчас ей семь лет, вес ее четыреста килограммов, а суточный удой на четвертом месяце после отела шестнадцать литров?

Зал молчал. Молчали команды. И тогда академик Хуторской-Сельский тяжело вздохнул и убрал со стола пузатый сверток.

Говорят, это было самое интересное, самое полезное заседание Клуба веселых и находчивых.

Петр ДУДОЧКИН

г. Калинин.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

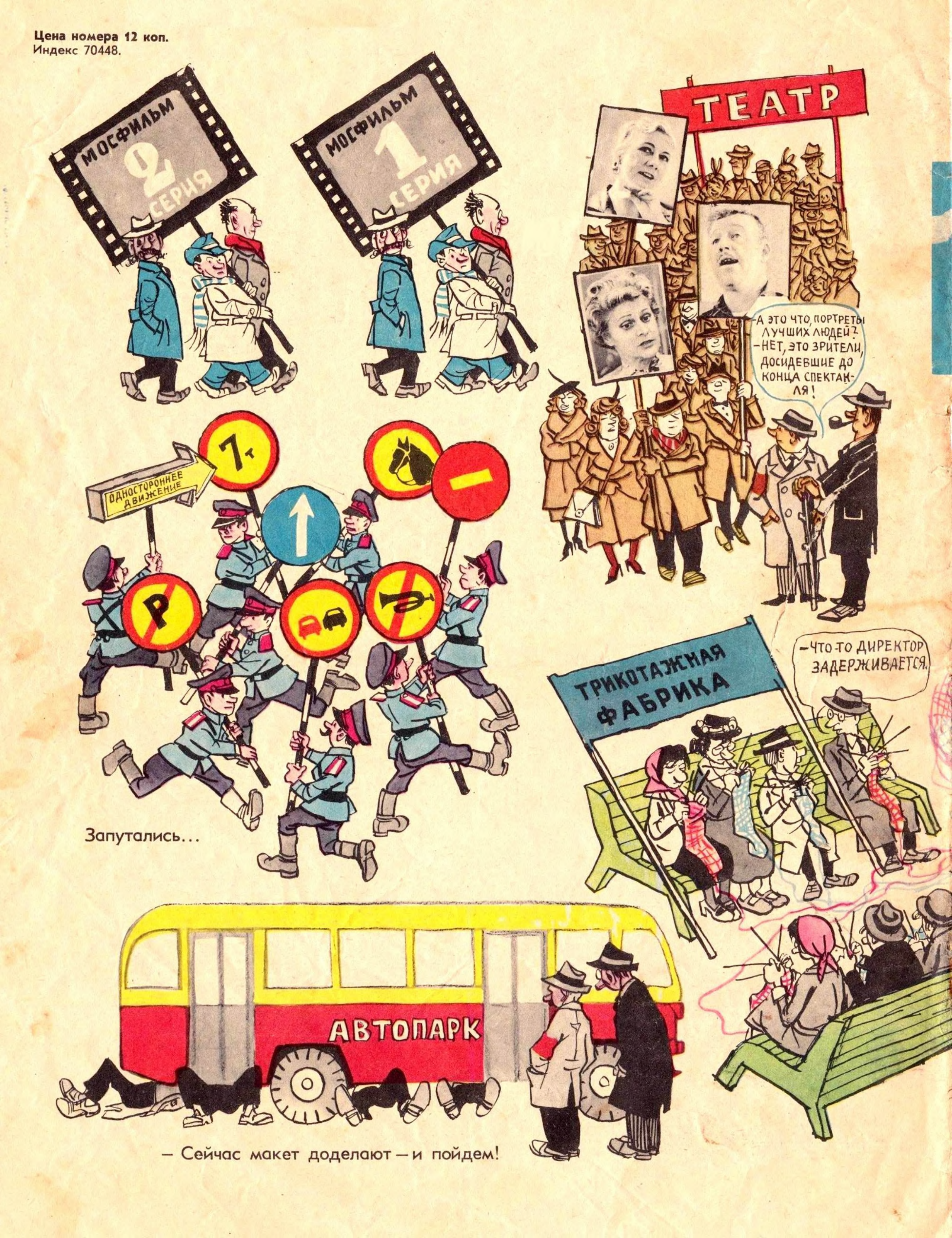
Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (ответственный секретарь), Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Б. Е. ЕФИМОВ, В. Д. НАДЕИН, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 0-10-86. Издательство «Правда».

А 02095. Изд. № 1562. Подписано к печати 19/X 1965 г. Формат бум. 70×108⅛. Тираж 2 900 000 экз. 1 бум. л.— 2.74 печ. л. Заказ 2825.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448.

Запутались...

— Сейчас макет доделают — и пойдем!